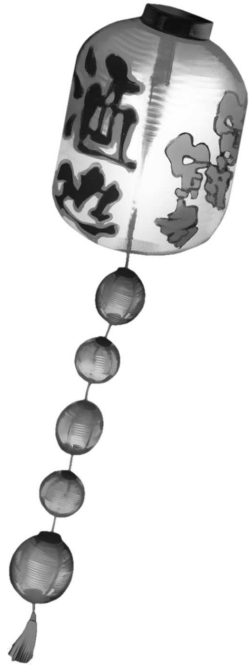

酒

АННИ ЮДЗУЛЬ

ЦУКУМОГАМИ

НЕВИДИМЫЕ БЕДЫ

LIKE BOOK
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю16

Иллюстрация на обложке *WHITELORD*
Иллюстрации во внутреннем оформлении
WHITELORD, BELЬKA
Художественное оформление *А. Андреева*

Юдзуль, Анни.
Ю16 Цукумогами. Невидимые беды / Анни Юдзуль. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215033-3

Будь осторожен со своими вещами, ведь вещи умеют убивать.

Кёичиро Уэда, обычный продавец супермаркета, однажды утром единственный выживает после чудовищного преступления. От таинственного незнакомца Уэда узнает, что в преступлении замешаны цукумогами — ожившие вещи. Теперь Кёичиро должен не только найти настоящего преступника, но и разобраться: почему он остался в живых? И почему цукумогами пришли именно к нему?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215033-3

© Анни Юдзуль, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

В этот четверг наконец-то пошел дождь. Красный «крайслер» с шумом пронесся мимо высоких, в потолок, витрин. Кружащаяся в солнечных лучах пыль колыхнулась, точно косяк рыб, разлетающийся перед атакой барракуды. Музыка ветра, раскачивающаяся над открытой входной дверью, затянула свою песню.

Молодой человек за кассовым аппаратом даже не пошевелился. Его бледное лицо замерло, взгляд темных глаз устремился куда-то за витрину с мороженым. Складки на воротнике рубашки спускались под полинялую жилетку, из кармана которой торчал сломанный бейджик: «Старший продавец магазина сети Дайго, Уэда Кёич…»

— Уэда-сан, значит?

Кёичиро вздрогнул и обшарил взглядом торговый зал. Пусто. Ни единой души, лишь эхо чужих шагов, повторяющее само себя.

Он зажмурился. Глаза жутко чесались, будто кто-то насыпал в них сонной пыльцы. Он прижал

к одному из них кулак, но это не помогло. Шаги неизвестного звоном отдавались между ушей, делая голову тяжелой, а самого Кёичиро — медленным и неповоротливым.

— Прошу прощения?

Его голос прозвучал звонче, чем обычно. Точно смычок слетел со струн в самый важный момент. В горле запершило.

В воздухе пахло чем-то очень старым. Листьями? Фотографиями? Сундуками с бабушкиным барахлом, которые они с друзьями в детстве исследовали в поисках заветных сокровищ?

— Ваше имя, — раздался голос, — Уэда-сан, верно?

И тогда Кёичиро наконец разглядел его.

Тонкий, малюсенький человек вглядывался в него из-за книжной полки; его черный глаз щурился между стопками журналов и прошлогодних бестселлеров.

— Верно, — запоздало проговорил Кёичиро, — к вашим услугам. Могу чем-нибудь помочь?

Незнакомец улыбнулся. Глядящий на Кёичиро черный глаз прищурился и двинулся в его сторону.

Когда человек вышел из-за стеллажа, он показался Кёичиро совсем тонким. Худым до болезненности. Светлые кудрявые локоны торчали в разные стороны, точно пружины. Под винтажной джинсовой курткой расшитая золотом рубашка переливалась в свете солнечных лучей.

Он как кот подкрадывался к Кёичиро, несмотря на тяжелые сапоги, его лукавая улыбка висела в воздухе. Глаза — те не улыбались, глядели неотрывно, пригвождая Кёичиро к полу — не двинешься. Зал раскачивался — туда-сюда, туда-сюда. Кружащаяся пыль сложилась в лепестки и колокольчики. Динь-динь. Где-то в отдалении зазвучала музыка — или она играла все это время? Будто кто-то открыл музыкальную шкатулку. Торопясь, мелодия крутилась на полу, снуя из одного угла в другой, пробираясь по полкам вслед за электрическим мурлыканьем гитары и прыжками барабанных палочек. Запах сахарной ваты заструился следом, обволакивая Кёичиро с ног до головы.

Пальцы незнакомца протянулись к витрине у кассы, где ровными рядами стояли пухлые дынные и лимонные булочки, однако рука остановилась прежде, чем дотронулась хоть до одной. Улыбка стала шире.

— Не переношу цитрусовые…

— Что? — Кёичиро потряс головой.

— Я сказал, что мне не хватает восьми йен, — терпеливо повторил незнакомец. — Не могли бы вы простить мне такую мелочь? Всего один раз.

Он глядел на Кёичиро, и тому с трудом удавалось выдержать этот заговорщический взгляд.

— Что вы хотите приобрести? — наконец спросил он.

Незнакомец разомкнул губы, но его голос потонул в потревоженной пыли, танцующей на корешках книг и еще черт пойми на чем. Кёичиро бессмысленно смотрел на губы, произносящие слова, которые он не в силах был разобрать. Торговый зал изогнулся и сложился восьмеркой. «Я никогда не был силен в цифрах».

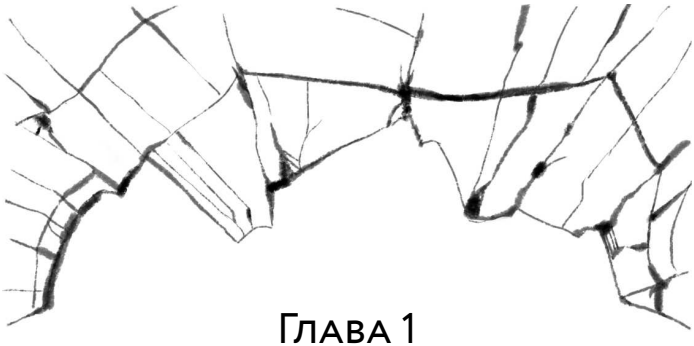
— …кроме того, он терпеть не может опозданий, — проговорил незнакомец, и Кёичиро удивленно распахнул глаза.

— Кто? О ком вы говорите?

— Благодарю за помощь! — улыбнулся странный покупатель и махнул рукой, прежде чем раствориться в разыгравшейся на улице буре.

В дверном проеме мелькнули безжизненные окна стеклянных небоскребов, собравшихся кругом в самом сердце города. От этого блеска всегда становилось не по себе, и сейчас Кёичиро с трудом мог выносить их довлеющую высоту.

Кёичиро опустил взгляд. В четырехугольной жестянке рассыпалась горстка монеток. Ровно четыреста девяносто две йены. Кёичиро убрал за ухо темную прядь и нажал на выключатель под столешницей. Достаточно на сегодня. Пора собираться домой.



Глава 1

ОН ТЕРПЕТЬ НЕ МОЖЕТ ОПОЗДАНИЙ

Кёичиро стоял посреди улицы. Дорожное движение ограничили, и несколько сотрудников полиции терпеливо разворачивали любого подъезжающего. Из приоткрытого окна пахло свежестью и жареным яйцом — запах разносился ветром до самого перекрестка. От этого у Кёичиро свело живот.

Или, быть может, не от этого. Он сморгнул застывшую на глазах влагу. Повсюду виднелись человеческие останки, асфальт и стены магазина сети Дайго, недавно открывшейся в городе N, были забрызганы кровью. Разбитые витрины осыпались стеклом; изломанные зонты, сгоревшая упаковочная бумага — точно предметы для ритуального алтаря, а вокруг — изувеченные, почерневшие тела. Кёичиро отчетливо ощутил, как рвота волной подступает к горлу.

— Простите, — окликнул его женский голос, — вы имеете отношение к этому месту?

Кёичиро невольно попятился. Да, он имел отношение к этому месту. К тому месту, что было здесь до того момента, как он повернул ключ в двери, проверил, что она абсолютно точно закрыта, и ушел домой. До того момента, как он снял форму старшего продавца, лег в смятую постель и зажмурился, стараясь не думать ни о чем, не допускать ни единой мысли. До того, как прозвенел будильник и он…

— Я займусь им, — бросил другой офицер.

— Но…

— Офицер Бенуа, пожалуйста, занимайтесь сбором улик, как вам и предписано, — отрезал первый.

Офицер Бенуа, или Бенни, как ее звали в южном участке, хотела было что-то ответить, но лишь вздохнула. Кудряшки, то и дело падающие ей на лицо, щекотали нос. Коммуникатор в руках замигал, и она, выругавшись, принялась остервенело тыкать в него пальцем. Офицер, удостоверившись, что она смирилась со своим положением, поправил фуражку и двинулся навстречу дрожащему Кёичиро.

— Пройдемте со мной. Я должен задать вам несколько вопросов.

— Д-да, конечно.

Кёичиро не мог отвести взгляда от обгоревших оконных рам. Офицер взял его под локоть и решительно повел вдоль дороги. На их рай-

он приходилось всего два полицейских участка, и Кёичиро на мгновение задумался, в какой из них они направляются. Он смел надеяться, что в южный — новый офис, а значит, и стулья там наверняка не такие жесткие. Может, даже наручники застегивают не так плотно…

— Офицер Бенуа.

К ней подошел полицейский, отказавший в проезде очередному автомобилю.

— Что?

Коммуникатор рябил и никак не хотел слушаться, оттого она едва не рычала.

— Бенни, — продолжил он мягче.

Она подняла на него взгляд. Это был Кион, ее бывший одногруппник в полицейской академии. Они вместе поступили на службу несколько лет назад, только она сразу стала офицером, а ему лишь недавно удалось выбраться из регулировщиков. Теперь его навыки ой как пригодились — автомобилисты то и дело сворачивали не туда и все как один отказывались понимать, что улица перекрыта.

— Что такое?

— Кто это был?

— Что ты имеешь в виду?

Кион потер переносицу. На пальцах красовалось давнее изображение лисицы. Когда он шевелил ими, та будто бежала — он частенько де-

монстрировал это при помощи золотой монетки, катая ее между пальцев.

— Здесь был молодой человек. Помнишь, на летучке говорили? Тут работает парень, он мог видеть что-то подозрительное вчера.

Бенни нахмурилась. Ей с трудом удавалось уловить его мысль.

— Офицер, который его увел, — кто он?

— Офицер? — озадаченно переспросила она и завертела головой.

Ни офицера, ни работника уже не было видно.

— Офицер…

Она посмотрела на Киона. Они провели в гнетущем молчании добрых десять секунд, пытаясь припомнить имя этого человека. Не выходило. Бенни спохватилась первой и дернула за висящий на шее свисток. Черт бы побрал эту залипающую кнопку у казенной рации.

— Срочно, чтоб тебя!

Она рванула к машине.

Всем постам! Неизвестный увел потенциального свидетеля происшествия на улице М. Особые приметы: два человека, рост одного около шести футов, другой ощутимо ниже. Первый седой, одет в полицейскую форму, возможно имеет удостоверение, вероятно краденое. Срочно задержать!

— Черт, Бенни, во что мы опять вляпались?

Кион опустил руку на ее плечо, но она стремительным движением сбросила его ладонь.

— Знать бы самой.

На смежной улице раздался вой полицейской сирены.

Кёичиро не слышал ни сирены, ни топота ног десятка полицейских, рассредоточившихся по кварталу. Он полностью погрузился в свои мысли, возвращаясь к ужасающему зрелищу на пороге магазина, раз за разом переживая обуявшие его чувства. Он хорошо знал, что теперь долго будет просыпаться от собственного крика и жуткие картинки приклеятся к внутренней стороне век. Он ничего не сможет с этим поделать. Лишь бы Фукузава-сан, живущий в соседней квартире, не ловил его утром у двери и не пытался захмурить толстенными бровями до смерти.

Офицер молчал. Легкая улыбка играла на его губах, волосы сияли серебром и то и дело норовили щелкнуть зазевавшегося Кёичиро по носу. Этот человек, весь состоящий из прямых линий и острых углов, не удивлял Кёичиро. Возможно, они даже виделись раньше, в клинике или участке. Или, быть может, он когда-то угостил его выпивкой в одном из местных баров? Пьяным Кёичиро всегда был таким щедрым! Не чета Кёичиро трезвому, который держался за свои копейки как

за спасательный круг. Будто хоть что-то в мире могло его спасти.

Эта мысль вызвала у него улыбку. Он остановился у пешеходного перехода и с удивлением обнаружил, что его спутник продолжил путь.

— Стойте! — Кёичиро попытался поймать офицера за рукав.

Светофор горел красным, и вежливый роботизированный голос… Кёичиро вдруг понял, что голос звучит на одной ноте.

— Не болтайте, — с улыбкой отозвался мужчина. — Вы меня отвлекаете.

— Отвлекаю от чего?

— Ну вот, опять. Мало того что опоздали, так еще и перечите офицеру полиции.

Слова незнакомца, которого он встретил накануне, отозвались в его голове так явно, что Кёичиро невольно обернулся. Никого. Ни единого человека, лишь замершие вдалеке фигуры, похожие на манекены. Неподвижная восковая листва. Невесомое белесое перо, зависшее в воздухе. Кёичиро перестал дышать.

— Не отставайте, иначе я арестую вас, — предупредил офицер. И Кёичиро мгновенно бросился за ним.

Будто тот был единственным спасением. Возможно, так оно и было, ведь его, в отличие от Кёичиро, в происходящем не смущало ничего. Ну вот, опять эти разговоры о спасении.

— Что происходит?

— Я действительно должен повторять в третий раз? Вам почти тридцать, пожалуйста, научитесь терпению.

Офицер свернул на восток, как бы между делом осмотревшись, и дал Кёичиро короткий знак. Они протиснулись между мусорными баками и исчезли между покосившимися старыми строениями. Тогда Кёичиро наконец настиг обычный уличный гул. И — полицейская сирена.

Они шли молча. Кёичиро не сводил глаз с широких острых плеч и прямой, точно нарисованной по линейке, спины человека, уверенно петляющего в этих грязных переулках. Пара мужчин, куривших под красным фонарем, не обратили на них никакого внимания. Лишь девчонка с выразительными голубыми глазами вдруг подалась ему навстречу. Кёичиро хотел было остановиться, но офицер, будто предугадав его мысли, потянул его дальше.

— Отвратительный выбор. У таких, как она, скверные манеры.

Они спустились по разбитым ступенькам и нырнули под навес крошечного храма. Кёичиро никогда раньше не бывал в храмах. Он воображал, что внутри этих сооружений не было ничего особенного: украшенные резными панелями стены, золото, благовония, алтарь… Меньше всего на свете он представлял себе… бар? Несколько